

В.Я. ГРОСУЛ

РОССИЙСКИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И БАЛКАНЫ (XVIII – XIX века)

Древние греки рассматривали Европу как географическое понятие только в рамках Балканского полуострова. Все, кто проживал за этими пределами, назывались варварами, т.е. иноземцами, людьми намного более низкой культуры, чем сами греки. Сегодняшняя наука полагает, что другие культуры имели свои достижения, но факт чрезвычайной культурной продвинутой греков, передовой характер их цивилизации по сравнению с другими цивилизациями того времени никто не оспаривает.

Когда славяне в V–VI вв. начали продвижение на юг, прежде всего по восточным и западным отрогам Карпатских гор на Балканы, они вошли в соприкосновение с самой передовой греко-римской культурой, в то время уже христианизированной, являвшейся наследницей великих культур Средиземноморья. Материальная культура славян не была более передовой, духовная культура намного отставала, а социальные отношения отличались тесными родовыми связями, позволившими, однако, создать довольно крепкую военную организацию, благодаря чему они овладели половиной Балканского полуострова. Вступив в тесный контакт с местными обществами, в культурном плане славяне больше получили, чем дали сами. Именно здесь, раньше чем где-либо на других славянских землях, происходит христианизация славян, и уже к началу следующего тысячелетия балканские славяне предстают наряду с греками, албанцами, влахами как защитники христианских ценностей в борьбе против восточных пришельцев – печенегов, половцев, татаро-монголов, турок-османов.

Уже в XIV в. Балканы становятся ареной жесточайшей схватки христианства и мусульманства, завершившейся временным поражением христиан и включением всей Юго-Восточной Европы в состав обширной Османской империи. Такое положение затянулось на сотни лет, и трудно сказать, как бы сложилась судьба балканских христиан, если бы не вмешательство внешнего фактора. В попытках сохранить свою самобытность, нередко жизнь и достоинство, балканские христиане стали обращать взоры в сторону Италии, Австрии, а также и России. Православная Россия была ожидаемой, но слишком далекой, реально она стала восприниматься как страна-освободительница только со второй половины XVII в. Но лишь в 1711 г., во время Прутского похода, российская армия впервые подошла к Дунаю, не считая, конечно, эпохи Древней Руси, а только в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. впервые перешла его.

Продвижение славян на Балканы в V–VI вв. и приход российской армии в XVIII в. в этот регион существенно разнятся. Среди прочего, южные и западные славяне заметно отставали в развитии своей культуры от Византии, Россия же середины XVIII в. в культурном отношении была более передовой, чем любой регион Османской империи¹. Говорить только о сугубо вооруженном проникновении России на Балканы будет совершенно не правильно. Православная Россия имела серьезные духовные позиции на

Гросул Владислав Якимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

¹*Гросул В.* Балканы. Корни кризисов. – Молдова и мир, Кишинев, 1991, октябрь–ноябрь, с. 22.

Балканах и рассматривалась как бастион христианства, т.е. подавляющее большинство населения Балканского полуострова ждало пришельцев с Севера, видя в них свое спасение. Весьма существенной была и политическая сторона намечавшихся взаимоотношений. Они часто проектировались как унии, т.е. союзы равных, что воодушевляло представителей балканских народов на дальнейшее плодотворное сотрудничество с сильным северным государством.

Уже изучение договоров российского государства XVII – начала XVIII в. дает достаточное основание рассматривать их как своеобразные основные законы, которые намечались в отношении того или иного балканского региона. Проект перехода Молдавского княжества в русское подданство, который был передан в марте 1656 г. русскому руководству, предусматривал: “Честь и чин государства нашего не порушился б, как была не порушена и от нечестивых, но благоволением великого вашего царствия утвердитца и укрепитца паче прежнего”². Этот проект предусматривал установить в Молдавии такие порядки, какие там существовали до османского завоевания, причем господаром мог быть только местный житель. Если бы этот проект договора был реализован, то он стал бы для Молдавии основным законом, т.е. конституцией страны, которая была бы выше как воли молдавского господаря, так и воли русского царя.

Подобный же характер носил и Луцкий договор заключенный между Молдавией и Россией 13 апреля 1711 г. В соответствии с ним в Молдавии устанавливался российский протекторат, но княжеству гарантировалась территориальная целостность, возвращение земель, захваченных турками и татарами, невмешательство России в ее внутренние дела и превращение Молдавии в наследственную монархию Кантемиров³. Поскольку имелись серьезные контакты с Валахией, Сербией, Черногорией, целью которых была защита последних от Порты, то подобные же договоры могли быть заключены и с этими странами. В случае их реализации они также носили бы конституционный характер. Естественно, что в то время в документах слово “конституция” не фигурировало, но от этого характер их не меняется. Реальная обстановка, однако, сложилась таким образом, что Прутский поход окончился неудачно и реализация одних пунктов Луцкого договора была отложена на более позднее время, а другие так и не удалось осуществить никогда. Укрепление позиций России, возрастание ее международной роли на протяжении всего XVIII в. позволяет ей играть роль посредника и гаранта за границей. Во время войны за Баварское наследство в октябре 1778 г. прозвучала ультимативная нота Екатерины II австрийскому правительству, и под ее давлением, поддержанным Францией, был заключен Тешенский мир 1779 г. – мирный договор между Австрией и Пруссией. Мир, заключенный при посредничестве России и Франции, был заметным успехом русской дипломатии и усилил влияние России в Германии. Более того, Россия в 1779 г. стала гарантом конституции Германской империи. А ведь страна своей конституции тогда не имела и, что стало особенно ясно после прекращения работы “Комиссии об Уложении” в 1769 г., иметь не собиралась.

Иное дело российский внешнеполитический конституционализм. Он часто был связан с действиями за границей русских войск, а если их пребывание на иностранных территориях затягивалось, то там создавалась русская гражданская администрация. Так, во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. в январе 1770 г. для управления Молдавским княжеством русское командование создало гражданскую администрацию. Возглавлялась администрация самими молдавскими боярами, составлявшими диван, но руководил ими поначалу генерал-майор С.М. Черноевич, затем бригадир С.М. Ржевский. С февраля 1771 г. председателем дивана стал генерал-майор А.В. Римский-Корсаков, возглавлявший его до конца войны. Через руководителей администрации русское правительство получало возможность оказывать влияние на работу государственного аппарата и стимулировать появление тех или иных законодательных актов. Это еще не

² Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы, в 3-х т. Т. II. 1633–1673. М., 1968, с. 273–275.

³ Там же. Т. III. 1673–1711. М., 1970, с. 323–327.

были основные законы, но русское правительство накапливало опыт сотрудничества с местным населением не только в военной, хозяйственной, но и законотворческой деятельности.

Создание русских администраций в Дунайских княжествах с тех пор стало обычным делом, и их деятельность примечательна с точки зрения истории государства и права. Так получилось, что первая такая реформа, в подготовке которой приняли участие русские представители, была проведена на Ионических островах. В 1799–1800 гг. был подготовлен “План временного правления”, утвержденный адмиралом Ф.Ф. Ушаковым. “Конституция Ушакова” встретила, однако, противодействие Порты, а также местной знати, не желавшей делиться властью с новым дворянством. В противовес ей Порта предложила другую конституцию, выработанную нобилиями в их интересах. Обозначилась серьезная внутренняя борьба в самом ионическом обществе, что поставило русское руководство в очень трудное положение.

Началась разработка нового проекта конституции, которая проходила в условиях острой борьбы за влияние на островах Англии, Франции, России и Турции. На греческих землях все больше ощущалось влияние Французской революции. Российское правительство вынуждено было проводить более гибкую политику. Любопытно, что сам Александр I наставлял представителя России на островах Г.Д. Мочениго действовать таким образом, чтобы новую конституцию и предусмотренные ею новые учреждения поддержал средний класс, поскольку именно он может обеспечить ее выполнение. И канцлер А.Р. Воронцов в письмах русскому представителю на островах рекомендовал всячески ориентировать на Россию “все классы жителей, и в особенности средний класс, который благодаря новым учреждениям не потеряет ничего из тех прав и преимуществ, которые он приобрел”⁴.

Интересна сама технология подготовки и принятия ионической конституции. Мочениго совместно с членами сената Ионических островов составил проект конституции, он был послан в Петербург и там доработан. Но конституцию должен был принять законодательный орган республики, которого не существовало. В январе 1803 г. сенат издал специальный указ, установивший порядок выборов: они должны были осуществляться дворянскими ассамблеями каждого из островов, но право избирать получали лишь те, кто соответствовал прежде всего имущественному цензу. У каждого острова он был свой.

Сессия законодательного собрания началась 14 октября 1803 г. и через полтора месяца, 29 ноября, новую конституцию единогласно утвердили. Конституция, печатный экземпляр которой на итальянском языке хранится в Москве в Архиве внешней политики Российской империи, состояла из 212 статей. Она определяла государственный строй архипелага как централизованную аристократическую республику. Греческий язык был провозглашен в ней государственным, православие – господствующей религией, господствующим сословием стало конституционное дворянство, как потомственное, так и новое. Законодательная власть передавалась законодательному корпусу в составе 40 человек, а исполнительная – сенату во главе с принцем или князем, избравшимся законодательным корпусом на два года. Именно князь являлся фактически главой государства. Провозглашалась независимость суда, гарантировалась неприкосновенность личности и собственности.

Таким образом, хотя конституция была аристократической и в ней применялся термин “конституционное дворянство”, в ней нашел отражение и принцип разделения властей и явно заметно влияние буржуазных идей того времени. А ведь самодержавная Россия играла решающую роль в принятии этого документа: ее замысел созрел в недрах российского министерства иностранных дел, одним из ее инициаторов был видный русский дипломат А.Я. Италинский, а окончательную редакцию осуществили А.Р. Ворон-

⁴ *Станиславская А.М.* Россия и Конституция 1803 г. Республики Семи Соединенных островов. – *Международные отношения на Балканах. Балканские исследования.* М., 1974, с. 48–49.

цов и А.А. Чарторыйский. Но вся работа велась под личным руководством Александра I, и поэтому вполне можно согласиться с теми специалистами, кто считает ионическую конституцию “порождением правительства Александра I”⁵.

При ее разработке были учтены настроения местного населения, в первую очередь авторитетных социальных слоев, легитимность проекта гарантировалась проведением его через соответствующий верховный орган, определенным образом подобранный. При этом, конечно же, учитывалось мировое общественное мнение того времени в области государственного строительства. Не случайно специалисты усматривают много общего между конституцией 1808 г. на Ионических островах и французской конституцией 1795 г.⁶ Следует добавить, что ее текст подлежал утверждению турецким султаном и русским императором.

Два феодальных монарха, таким образом, ввели на Ионических островах конституцию буржуазного типа, и этот парадокс объясним. В условиях все большего возрастания роли идей и политического влияния буржуазной Франции руководствоваться только принципами религиозного свойства было малоперспективно. Не случайно Александр I в то время неоднократно призывал к учету “духа времени”, более того, он также поговаривал о необходимости введения конституции в самой России. Сохранилось письмо тогда еще цесаревича Александра от 1797 г., направленное его учителю Лагарпу, где он писал, что, когда придет его время управлять страной, он постарается создать народное представительство, которое бы основывалось на свободной конституции⁷.

Действительно, после воцарения Александра во внешней политике России решительно усиливается элемент, который получил в литературе название “конституционная дипломатия”. Более того, принципы конституционализма в определенной степени реализуются и внутри самой России: конституционное устройство вводится в присоединенной в 1809 г. Финляндии. Автономия получает и Бессарабия, где с 1818 по 1828 г. действовал “Устав образования Бессарабской области”, носивший конституционный характер. Даже на востоке страны в 1822 г. принимается “Устав о сибирских киргизах”, распространенный на обширные территории и известный как “Степная конституция”. 27 ноября 1815 г. Александр I подписал довольно либеральную конституцию Королевства Польского, ставшего составной частью России. Королевство Польское приобрело статус конституционной монархии, связанной с Российской империей реальной унией. 15 марта 1818 г. Александр I произнес в Варшаве речь, где прямо говорилось о том, что он желает дать конституцию всей стране и, более того, что он давно об этом думает⁸.

Как дальше развивались события хорошо известно. В 1820 г. резко меняется внутренняя политика Александра I и от российской конституции он отказывается, хотя поначалу казалось, что временно. Другое дело его внешнеполитическая концепция. Уже в 1814 г. российские представители активно участвуют в подготовке конституций для Кракова и Торна. Александр I вопреки настояниям К. Меттерниха добился предоставления Кракову статуса вольного города и конституции. Россия была причастна и к разработке ряда других европейских конституций того времени.

В 1816 г. принимается конституция в Веймаре, в 1818 – в Бадене, в 1819 – в Вюртемберге, а в 1824 – в Мейнингене. Это были первые германские конституции нового времени. По крайней мере к конституциям в Вюртемберге и Бадене Россия имела прямое отношение. Там, кстати, правила монархи, находившиеся в кровном родстве с династией Романовых. Александр I также участвовал в создании общегерманской конституции, в то время регулировавшей отношения германских государств на конфеде-

⁵ Там же, с. 56.

⁶ *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в.: политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976.

⁷ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I, т. 1. М., 1912, с. 136.

⁸ *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989, с. 157.

ративных основах. Известна роль России и в государственном устройстве Швейцарии, получившей новую конституцию, а также в принятии Конституционной хартии 4 июня 1814 г. во Франции.

Все это было результатом политической линии, которую проводило министерство иностранных дел России. Так посланник России в Штутгарте Ю.А. Головкин еще в июне 1814 г., т.е. до принятия немецких конституций, составил записку под названием “О правомерности и необходимости восстановления конституции в некоторых немецких государствах”, где писал, что Германия, если не начнет преобразований, “рискует навлечь на себя все беды средневековья и феодализма”, и предлагал “восстановить отдельные конституции”⁹.

Во всем своем объеме конституционная дипломатия России после разгрома Наполеона еще не исследована¹⁰. Известна определенная причастность российского правительства к выработке конституций в таких странах, как Нидерланды, Норвегия и др.¹¹ Однако в Западной Европе участие России в конституционном строительстве ограничивается в основном периодом с 1814 по 1820-е годы. Иная картина прослеживается на Балканах. Там этой политике следовали практически на всем протяжении XIX в.

После Ионических островов внимание руководства России привлекли события в Сербии. Она уже давно не имела собственной государственности и только белградский пашалык обладал некоторыми автономными правами, в 1796 г. несколько расширенными. Восстание там сразу же поставило вопрос о будущем устройстве сербских земель. Это породило появление ряда проектов, составленных русскими общественными деятелями. Несколько таких проектов, принадлежащих перу В.Ф. Малиновского, В.Н. Каразина, С.М. Броневского и других, уже нашли отражение в литературе¹².

Сербские повстанцы попытались наладить непосредственные связи с иностранными державами, прежде всего с Австрией и Россией. Но австрийское правительство предпочло занять нейтральную позицию в сербо-турецком противостоянии. Россия же проявила заинтересованность в оказании помощи Сербии. Но между положением на Ионических островах и ситуацией в Сербии была существенная разница. Архипелаг был занят российскими войсками и там находился российский гражданский представитель, наделенный большими полномочиями. Сербия же была охвачена войной и никаких российских войск в стране не было. Более того, даже ее связь с Россией в начале восстания была чрезвычайно затруднена. В сентябре 1804 г. специальная сербская делегация отправилась в Россию искать покровительства у царя. Посланцы просили прежде всего военной и финансовой помощи для укрепления движения повстанцев. Чарторыский, опираясь на мнения специалистов по балканским делам, предложил план финансовой и дипломатической поддержки восставшим сербам. План этот получил одобрение Александра I и начал претворяться в жизнь.

Но сербов волновала и проблема будущего государственного устройства. Каразин предложил учредить правительственный сенат¹³, который и был вскоре создан. Примечательно, что в начале Первого сербского восстания 1804–1813 гг. только Россия из числа крупных держав выступала за создание сербского автономного государства, информировав об этом ряд правительств, в том числе и Турцию. По-видимому, уже тогда среди предводителей сербов и возникла идея использовать в своем внутреннем устройстве положения конституции Ионических островов.

⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. VIII. М., 1972, с. 54.

¹⁰ Гросул В.Я. Российский конституционализм за пределами России. – Отечественная история, 1996, № 2, с. 166 – 180.

¹¹ Сироткин В.Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка И. Каподистрия в 1822 г. – Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975, с. 10.

¹² Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980, с. 50–93.

¹³ Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990, с. 176.

Сербские представители неоднократно консультировались с официальными российскими властями по вопросу о государственном устройстве автономии. Это сотрудничество заметно активизировалось с началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда русские войска заняли Дунайские княжества и приблизились к районам сербского восстания. Важным этапом в сербо-русском сотрудничестве стало прибытие в конце июня 1807 г. в Сербию уполномоченного российского министерства иностранных дел маркиза Ф.О. Паулуччи. Совместно с предводителями сербского восстания разрабатывается конвенция Карагеоргия – Паулуччи, предусматривавшая самые тесные сербо-русские отношения. По этой конвенции Россия не только должна была стать покровительницей Сербии, но и обязывалась послать туда “способного землеустроителя”, который бы “в приличный порядок привел, землю сербскую расположил и по нравам народа конституцию строил”. И, что особенно интересно, введение этой конституции, назначение военных и гражданских властей должно было производиться от имени русского императора¹⁴.

Следовательно, необходимость принятия сербской конституции была официально признана в сербо-русском документе 1807 г. Тогда же в Сербию был направлен российский дипломат К.К. Родофиникин, который совместно с сербами приступил к разработке проекта государственного устройства. Проект Родофиникина предусматривал усиление влияния сената, причем путем ограничения власти верховного вождя. Он также предполагал создать в Сербии сословный строй, что явно носило искусственный характер. Во всех действиях российского представителя, как и в практике, примененной на Ионических островах, присутствовало стремление усилить влияние в этом регионе России. Впрочем, проект Родофиникина не получил поддержки в Петербурге.

Как нередко бывает, подготовка законов сталкивается с интересами конкретных групп и отдельных лиц. Не все сербские руководящие деятели были сторонниками укрепления законности и усиления власти совета (сената), за которые ратовал Родофиникин. Узаконенное правление затрагивало интересы отдельных воевод и старейшин, в том числе и самого Карагеоргия. В сербском руководстве произошел раскол. Воеводы во главе с Карагеоргием ориентировались на Австрию. Другая группировка с четкой ориентацией на Россию ратовала за расширение прав совета и ограничение прав Карагеоргия. В ноябре 1808 г. Родофиникин представил новую записку по государственному устройству Сербии. Она была дополнена примечаниями командующего русской армии в Дунайских княжествах А.А. Прозоровского. Документ поддержал Александр I, одобивший предложение о превращении Сербии в конституционную монархию с наследным принцем, власть которого, однако, ограничивалась советом или сенатом¹⁵.

Таким образом, установка российского руководства на создание в Сербии конституционных учреждений и автономных прав еще в начале XIX в. не подлежит сомнению¹⁶. Но основополагающую роль в административном устройстве Сербии играли все-таки внутренние силы. По так называемому конституционному акту 1811 г. правящий совет заметно ослабляется, а власть Карагеоргия, назначавшего этот совет, еще больше усиливается.

Интерес России к сербскому вопросу никогда не исчезал, но завершение русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и начало борьбы с наполеоновской Францией временно ослабил его. Тем не менее по условиям Бухарестского мирного договора 1812 г. Порта обязывалась заключить с сербами специальное соглашение, предоставив им право самим управлять внутренними делами, при этом сербы оставались подданными султана и должны были платить ему дань.

¹⁴Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн.1. 1804–1807 гг. М., 1980, с. 386–387.

¹⁵Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 73.

¹⁶Кудрявцева Е.П. Основные направления балканской политики России в первой половине XIX века. – Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007, с. 208.

В то время не удалось ни освободить Сербию от султанского господства, ни ввести новые учреждения с соответствующим основным законом, но нацеленность на такие учреждения и опыт приобретенный в процессе такой работы, был востребован в дальнейшем.

Антинаполеоновские походы 1813–1814 гг., Венская система наложили свой отпечаток на российскую конституционную дипломатию в целом и на Балканах, в частности. Поначалу Александр I и его министерство иностранных дел были активными проводниками конституционного строительства за пределами России. Но оно сочеталось и с принципом легитимизма, принципом победившего европейского монархизма. И внутри страны вплоть до 1820 г. Александр I вроде бы вел дело к принятию российской конституции. Как известно, проект такой конституции в 1820 г. был подготовлен одним из близких к императору сановников – Н.Н. Новосильцевым. Хотя в этом проекте подчеркивалось, что “государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных”¹⁷, он не устроил Александра I и был положен под сукно. Вплоть до революции 1905 г. ни один из русских императоров не поддерживал конституционного устройства страны. Даже такой реформатор, как Александр II, отвергал конституцию, подчеркивая, что в случае ее принятия страна распадется¹⁸. Николай II заявил о “бессмысленных мечтаниях” русских конституционалистов. Но русская конституционная дипломатия, то более активная, то менее прослеживается на всем протяжении XIX в., и Балканы оставались важнейшим ее направлением.

Уже в сентябре 1814 г. Каподистрия сделал доклад Александру I, в котором высказался за восстановление республики Ионических островов и ее конституции 1803 г. Однако острова перешли под покровительство Великобритании и попытки влиять на внутривосточную жизнь негативно воспринимались британским правительством. Поэтому внимание сторонников русского внешнеполитического конституционализма переключается на другие балканские регионы. В 1820 г. российские дипломаты вновь пытаются провести в Сербии конституционные реформы и ограничить власть князя сенатом. Но эти планы были реализованы несколько позднее, в уставе (конституции) 1838 г.

Наиболее широко конституционная дипломатия России проводилась в те годы в Дунайских княжествах. В 1820 г., накануне переговоров с Портой, российским правительством разрабатываются новые планы относительно Дунайских княжеств, в частности составление новых “финансовых регламентов”, расширение прав диванов и ряд других предложений по модернизации внутреннего устройства княжеств. Через несколько лет в условия Аккерманской конвенции, заключенной между Россией и Турцией, был включен пункт, предусматривавший составление “общего для каждого княжества устава, который немедленно приведен будет в действие”¹⁹. В 1827 г. и в Молдавии, и в Валахии были созданы комитеты по выработке нового статута, они провели определенную работу²⁰, но были вынуждены ее прервать в связи с началом новой русско-турецкой войны. Впрочем, подобные комитеты возобновили свою работу уже летом 1829 г.

Как и в случае с Ионическими островами, в разработке проектов будущего устройства княжеств приняли участие и российские чиновники, в частности весьма близкий к Александру I и И. Каподистрии А.С. Стурдза. Сам Каподистрия еще в 1822 г. ушел в отставку, что заметно ослабило позиции сторонников конституционной дипломатии.

В основу работы комитетов в каждом из Дунайских княжеств были положены “Инструкции Дашкова” – проект, составленный видным русским юристом Д.В. Дашковым,

¹⁷ МIRONENKO C.B. Указ. соч., с. 196.

¹⁸ ЧЕРНУХА В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978, с. 33, 126, 135.

¹⁹ ЮЗЕФОВИЧ Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, с. 69.

²⁰ FILITI I. Frământările politice și sociale în Principatele române de la 1821 până la 1828. București, 1932, p. 140–146.

хорошо знавшим положение на Балканах. Он учитывал предложения как местных жителей, так и русских специалистов. После заключения Адрианопольского мира 1829 г., предусматривавшего создание в княжествах учреждений, которые будут осуществлять их управление, активность комитетов возросла.

Технология выработки и легитимизации новых законов, которые предполагалось положить в основу управления княжествами, во многом походила на ту, что некогда применялась на Ионических островах. Комитеты завершили свою работу и послали ее результаты в Петербург, куда также выехала делегация от Валахии и Молдавии. После рассмотрения в столице проект возвращается в княжества, где создаются специальные представительные собрания (экстраординарные) для его утверждения. Председателем собраний в каждом из княжеств был русский генерал П.Д. Киселев – полномочный руководитель местных органов власти во время нахождения здесь российских войск.

Экстраординарные собрания принимают в 1831–1832 гг. органические регламенты – по существу первые конституции Молдавии и Валахии. Слово “конституция” предпочитали не употреблять, хотя оно мелькает в некоторых подготовительных документах, например в первом проекте, составленном Стурдзой в сентябре 1828 г. Правда, во втором его проекте этого термина уже нет²¹.

Органические регламенты были апогеем конституционной дипломатии эпохи Николая I²². После этого конституционалистская политика России за пределами своих границ заметно ослабевает. Но нельзя говорить о ее полном прекращении: Россия участвует в становлении независимой Греции и устройстве ее политических институтов. Если роль России в создании Эпидаврского статута 1822 г. почти не прослеживается, а это была первая конституция новой Греции, то следующая, принятая в мае 1827 г., в которой исследователи усматривают влияние американской конституции 1787 г. и английских политических институтов²³, была принята в период активной политики России на Балканах и заметного усиления ее требований в пользу Греции. Именно в 1827 г. первым президентом Греции избирается И. Каподистрия, многие годы находившийся на российской дипломатической службе и известный как один из главных проводников конституционной дипломатии. С приездом Каподистрии в Греции заметно усилилось российское влияние, в том числе и на политическое устройство страны. Каподистрия в 1827 г. посетил Петербург и имел несколько встреч с Николаем I, причем его пребывание в России получило официальное оформление в соответствующих документах²⁴.

Правда, вернувшись в Грецию в январе 1828 г., Каподистрия приостанавливает действие конституции 1827 г. и идет по пути усиления личной власти, что было оправдано в условиях войны с Турцией, но Россия и тогда участвовала в конституционном строительстве в Греции: именно русско-турецкая война 1828–1829 гг. стала решающим фактором в приобретении Грецией независимости. Еще нуждается в исследовании отношение России к греческим конституциям 1844 и 1864 гг. Лучше известна последующая российская конституционная политика по отношению к Сербии.

Благодаря Адрианопольскому миру 1829 г. Сербия приобрела широкую автономию, а Россия в соответствии с шестой статьей получила право покровительства Сербии. Известна причастность России к Сретенскому уставу 1835 г., а также участие русских дипломатических представителей, в частности генерального консула в Молдавии и Валахии П.И. Рикмана, в конституционном строительстве Сербии 1830-х годов. В 1838 г. российское посольство в Стамбуле настаивало на том, чтобы турецкое руководство в самые ближайшие сроки решило вопрос о сербском регламенте. Требование было ус-

²¹ Институт русской литературы, ф. 288 (А.С. Стурдза), оп. 2, д. 216.

²² См.: *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30 годы XIX века). М., 1966; *Stan A.* Protectoratul Rusiei asupra Principatelor Române. 1774–1856. București, 1999.

²³ Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986, с. 48.

²⁴ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос, с. 253.

лышано, и “Устав Сербии” был подписан турецким султаном Махмудом II в декабре 1838 г.²⁵ В создании этой сербской конституции Россия приняла заметное участие.

Роль России в конституционном строительстве на Балканах во второй половине XIX в. в целом изучена слабее, да и была она несколько менее значительной, чем в первой половине века. Во всяком случае существуют материалы об отношении России к устройству Крита после восстания 1866–1868 гг.²⁶ и принятию Органического статута острова 1868 г. Значительную роль сыграла Россия в создании и становлении государственных учреждений Черногории²⁷, о чем говорит реформаторская деятельность Петра I Петровича Негоша и Петра II Петровича Негоша²⁸. Наиболее крупным юридическим документом второй половины XIX в. в Черногории был Законник 1855 г. принятый при князе Даниле. Примечательно, что необходимость принятия нового Законника Данило отметил еще в 1852 г., сразу же после возвращения из России. Уже в первой статье Законника провозглашалось равенство всех жителей Черногории перед законом, а вторая – гарантировала честь, имущество, жизнь и свободу, т.е. основные конституционные права²⁹.

В распоряжении исследователей имеются и другие материалы о позиции русских властей по отношению к конституционному строительству на Балканах, в том числе и в Турции, в частности по конституции 1876 г.³⁰ Но, конечно, вершиной русской конституционной дипломатии XIX в. стало участие российских представителей в конституционном устройстве Болгарии. В обширной отечественной и болгарской литературе по этому вопросу достаточно обстоятельно показаны различные аспекты участия России в воссоздании болгарской государственности как в Княжестве болгарском, так, хотя и в меньшей степени, и в Восточной Румелии³¹. Хотелось бы обратить внимание на преемственность проводимых преобразований. В седьмой статье Сан-Стефанского предварительного мирного договора от марта 1878 г. записано: “Собрание именитых людей Болгарии, созданное в Филиппополе (Пловдиве) или в Тырново, вырабатывает до избрания князя под наблюдением российского императорского комиссара устав будущего управления по примеру того, как было сделано в 1830 г. после Адрианопольского мира в Придунайских княжествах”³². Этому положению предшествовала довольно значительная и многотрудная работа русских специалистов по проблемам будущего устройства Болгарии, в частности князя В.А. Черкасского, который возглавил российское гражданское управление в Болгарии, и военного министра России Д.А. Милютин. По имеющимся данным именно Милутин, племянник П.Д. Киселева, руководившего реформами в Дунайских княжествах, был первым, кто предложил использовать при проведении болгарских реформ опыт Молдавии и Валахии. Он же сыграл заметную роль в назначении Черкасского главой гражданской администрации в Болгарии³³.

²⁵ Формирование национальных независимых государств..., с. 126, 131.

²⁶ Сенкевич И.Г. Русская дипломатия в первые месяцы Критского восстания 1866–1868 гг. – Балканский исторический сборник, вып. I. Кишинев, 1968, с. 76–94.

²⁷ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979, с. 58–67, 85–91.

²⁸ Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998, с. 51–76, 176–214.

²⁹ Там же, с. 339–340.

³⁰ Петросян Ю.А. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 79–102; Фадеева И.Л. Социальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. М., 1985, с. 123–130.

³¹ Козьменко И.В. Руската дипломатия и формирането на българската държавност след Освобождението. София, 1982; Коротких М.Г. Разработка и принятие Тырновской конституции Болгарии 1879 года. Воронеж, 1978.

³² Международные отношения и внешняя политика СССР. М., 1967, с. 7.

³³ Гросул В.Я. О конституционалистской политике России на Балканах. – Вопросы истории, 1969, № 8, с. 50; его же. Владимир Александрович Черкасский. – Российские либералы. М., 2001, с. 190; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 327, раздел II, папка 10, д. 50.

После предварительных контактов с Милютиным Черкасский 31 октября 1876 г. составил обширную записку, где были намечены основные векторы деятельности русско-го управления в Болгарии. А 16 ноября император Александр II утвердил инструкцию русской гражданской администрации, в которую почти без изменений вошли предложения Черкасского³⁴. Эта инструкция перекликается с той, что была дана в 1828 г. первому русскому полномочному руководителю администрации в Дунайских княжествах Ф.П. Палену.

По дороге в Болгарию из румынского города Плоешти Черкасский писал Милютину: “Болгарское княжество должно считаться совершенно отдельным от России, но должно первоначально состоять под ее протекторатом. Самостоятельная его жизнь должна быть подготовлена таким же статутом, какой был создан в 1829–1835 гг. графом Киселевым для румынских княжеств”³⁵.

Процесс выработки Органического устава Болгарии полностью совпал с техникой принятия Органических регламентов на Ионических островах: проект основного закона составлен на месте, затем отослан в Россию, где рассмотрен специальной комиссией под председательством князя С.Н. Урусова, внесшей свои поправки.

Тырновская конституция в Болгарии, принятая 16 апреля 1879 г. учредительным собранием (одним из первоначальных ее проектов был Органический устав, разработанный комиссией во главе с российским специалистом С.Я. Лукьяновым), существенно отличалась от прежних конституций, в составлении которых принимала участие Россия. Раньше уставы были по преимуществу феодальными, а Тырновская конституция, хотя и предусматривала наследственную конституционную монархию, была одной из самых передовых, поскольку вводила прямые выборы, провозглашала всеобщее избирательное право для мужчин с 21-летнего возраста, равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности, право собственности, народное собрание объявлялось законодательным органом и т.д.³⁶

Итак, даже беглое рассмотрение материалов о конституционалистской политике России на Балканах позволяет считать ее целенаправленной и довольно стабильной. Это не цепь случайностей, а результат продуманных, довольно эффективных действий. Более того, трудно назвать хотя бы еще одну державу того времени, для которой была бы характерна подобная же политика. При этом следует учитывать, что конституционная политика и конституционная дипломатия были составными, но отнюдь не главными, частями общего комплекса внешней политики страны, выполняя в целом подсобную роль в решении главных внешнеполитических задач Российской империи. Были у этой политики и значительные издержки.

Проводя реформы за рубежом, поддерживая установление конституционных оснований, Россия способствовала вестернизации балканских стран, заметно отставших в своем развитии за последние полтысячелетия. Вместе с тем появилось заметное различие между государственным устройством самой России и большинства балканских регионов. И это было одной из причин проявившихся противоречий между самой Россией и Румынией, Болгарией, Сербией, Черногорией. Как отмечается в современной литературе, “расчет Петербурга на “благодарность” освобожденных народов строился на песке”³⁷. Нарастанию противоречий способствовал и факт экономической отсталости России. Способствуя освобождению балканских народов от Турции, Россия фактически проложила путь на Балканы не только западному капиталу, но и западной культуре и образу жизни. Самодержавная Россия уже не могла быть объектом надежд

³⁴ Овсяный Н.Р. Русское управление в Болгарии в 1877–1879 гг., т. 1. СПб., 1906, с. 161–163.

³⁵ Там же, с. 176.

³⁶ Коротких М.Г. Россия и конституционное строительство в Болгарии (1878–1879). Воронеж, 1982, с. 108–120. О роли России в конституционном устройстве Восточной Румелии см.: Манолова М.Г. Русия и конституционното устройство на Източна Румелия. София, 1976.

³⁷ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997, с. 257.

и подражания. В 80-е годы XIX в. резко обострились отношения России с балканскими странами и она, по словам академика С.Д. Сказкина, была вынуждена уйти с Балкан³⁸.

Спад интереса России к Балканам и Балкан к России оказался, однако, недолгим. Через некоторое время отношения в большей или меньшей степени восстанавливаются, но говорить об активной конституционной дипломатии уже не приходится. На Балканах она проявится только в отношении Крита, Албании и Черногории, но бывшего масштаба и характера уже не приобретет. На Крите Россия проводит принцип конституционализма уже в сотрудничестве с другими великими державами: вырабатывается новый Органический регламент, ставший впоследствии конституцией. Обнародование критской конституции в апреле 1899 г. и знаменует окончание политики российского конституционализма на Балканах в XVIII–XIX вв.³⁹

³⁸ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 250.

³⁹ Подробнее см.: Меньщиков В.П. Российская дипломатия и автономия Крита в 1898 г. – Революции и реформы на Балканах. Балканские исследования, вып. 12. М., 1994; Соколовская О.В. Россия на Крите. 1897 – 1909 гг. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006.